

И.О. Шайтанов

Silentium!

Опубликовано первоначально в 1833 (газета «Молва»). Поэтическая мысль Тютчева в этом стихотворении сосредоточена на самоценности внутренней жизни человека, пережившего современную трагедию разлада с природой, после которого шеллингианская натурфилософия представляется безумной крайностью (ср. «Безумие»). «Silentium!» (лат. — молчание) — это также полемическое преувеличение, сознательно допущенное ради утверждения вновь открывшейся ценности внутреннего мира.

В стихотворении переосмысливаются некоторые образы из натурфилософского арсенала. Целый мир, подобный миру природы, раскрывает себя в «душевной глубине». Там встают и заходят, подобно ночным звездам, мысли и мечты; там есть свои подземные источники и ключи... Повторение, но переосмысленное. В раннем манифесте «Не то, что мните вы, природа...» внутреннее богатство человека было поставлено в зависимость от его умения слышать природу:

...Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи...

Как в «Безумии», это испепеляющие, «раскаленные» лучи, а не те, благодатные, несущие откровение, которые сияют в натурфилософских стихах и без которых человеческая душа мертва: «Лучи к ним в душу не сходили...»

Осложнились внешние отношения человека, в том числе и с природой, дружеское откровение с которой сопряжено теперь с угрозой потерять себя. Обычно в стихотворении «Silentium!» видят неизменную модель тютчевского отношения к миру. Это не так. Преувеличенная опасливость к внешнему миру, даже к природе, исходит из того, что ощущение собственной личности, полнота самосознания только что открыта и поэтому так тщательно оберегаема.

В 1834, едва ли зная, что стихотворение уже было опубликовано, Пушкин отобрал его для публикации в «Современнике». Тем не менее современные интерпретаторы склонны усматривать в нем полемику с пушкинской идеей «всевластия литературы», ее принципиальной громкости, влиятельности (А. Журавлева). Продолжая эту мысль, другой исследователь выразился афористично: «Тютчев неслышно восстает против литературы — а она в свою очередь выталкивает его из себя» (А. Осповат).

Стихотворением «Silentium!» Тютчев как будто предвидел свое молчание и принял его как жизненную, поэтическую программу. Она не пушкинская, она иная. И в какой мере ей следовал сам Тютчев?

Как связать «Silentium!» с тем, что мы знаем о Тютчеве — остроумном собеседнике, постоянном посетителе светских салонов, лишь краткий срок способном провести в родном Овстуге без газет, новостей, общения? Овстуг для него никогда не мог бы стать «приютом чистых нег», как Болдино для Пушкина, он не искал *творческого уединения*. Залогом его поэзии была *душевная глубина*, незримая для досужего наблюдателя и спасительная для поэта.

Душевная глубина в человеке созвучна безбрежности мироздания, они родственны, они соприродны. И внешний и внутренний мир в своей подлинности неразличимы для невнимательного дневного взгляда: один под блистательным покровом дня, другой под рукотворным покровом, созданным самим человеком, который мы зовем словом «культура».

Текст стихотворения знаменит несколькими метрическими сбоями, которые иногда допускал Тютчев, но пытались исправлять его первые редакторы. Так, в сборнике стихов 1854. вместо чередования строк четырехстопного ямба и трехстопного амфибрахия:

Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне...

ритм был урегулирован:

Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне...

Стихотворение было положено на музыку А. Гречаниновым, Д. Зерновым, Р. Ребиковым.